
УДК 821. 161.1

ББК 83. 3 (2=Рус) 1

К 18

Камельянова Ф.Ф.

Аспирант кафедры филологии и методики преподавания русского языка и литературы Бирской государственной социально-педагогической академии, e-mail: flidaleo@mail.ru

**Преломление жанра жития
в романах Ф.М. Достоевского «Идиот»
и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Сравнительный анализ романов «Идиот» и «Доктор Живаго» обнаруживает их сходство с жанром жития, в основе которого лежит изображение жизни святого. Главные герои произведений являются воплощением христианской морали, но оказываются непонятыми окружающими. Мотивы отчужденности, странствия, дороги и др. свидетельствуют о наличии в романах элементов жития.

Ключевые слова:

Ф.М. Достоевский, Б.Л. Пастернак, жанр, житие, герой, мотив, контекст.

Kamelyanova F.F.

Post-graduate student of Department of Philology and Technique of Russian Language and Literature Teaching of Birskaaya State Social-Pedagogical Academy, e-mail: flidaleo@mail.ru

**Refraction of a genre of life in novels «Idiot» by F.M.Dostoevsky
and «Doctor Zhivago» by B.L.Pasternak**

Abstract:

The comparative analysis of novels «Idiot» and «Doctor Zhivago» shows their similarity to a life genre in the basis of which is the description of the saint's life. Protagonists of compositions are an embodiment of Christian morals, but they prove to be incomprehensible to everybody around them. Motives of estrangement, wandering, road, etc. testify to presence of elements of life in the novels.

Keywords:

F.M.Dostoevsky, B.L.Pasternak, genre, life, protagonist, motive, context.

Изучение романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» в аспекте их типологического единства дает основание говорить о наличии в произведениях житийного начала.

О.Э. Мандельштам, рассуждая о

жанровой природе жития и романа, пришел к выводу о том, что «жития святых, при всей разработанности фабулы, не были романами, потому что в них отсутствовал светский интерес к судьбе персонажей, а иллюстрировалась общая идея»

[1: 72], в связи с этим вполне правомочно сравнение этих жанров, вопрос только в том, как расставлены акценты в каждом из случаев.

В зависимости от содержания этот жанр делится на житие-мartyрий (в переводе «мученичество») и житие-биос. Повествование в житии-мartyрии охватывает лишь часть жизни Святого: его мученичество и смерть, при этом житие-биос рассказывает обо всем жизненном пути героя от рождения до смерти.

Композиционное построение романа «Идиот» позволяет говорить о его сходстве с житием-мartyрии: прослеживается путь святого человека в миру, вплоть до его «ухода». Но Достоевский переосмысливает этот жанр по-своему. Житие-мartyрии, как правило, завершается смертью героя, у Достоевского же этого не происходит. Князь Мышкин, пройдя свой путь, уходит условно, он погружается в беспомыслие.

Не секрет, что образ Мышкина часто оценивается критиками как искусственно идеализированный, оторванный от реальности. В этом факте мы усматриваем черту сходства с жанром жития. Вспомним, что даже несмотря на биографическое начало в житии, основной его целью было назидание, изображение жизни Святого в качестве урока читателю. Иными словами, «житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии не портрет, а икона» [2: 253]. А потому эта идеализированность героя воспринимается как способ воздействия на читателя.

Присутствие в литературных произведениях, так называемых, «общих мест» с жанром жития исследователем Р.Т. Руди считается первым признаком наличия идеи «подражания Христу» [3], а параллели между образом Мышкина и Христа очевидны.

В контексте наших рассуждений и роман Пастернака «Доктор Живаго» обнаруживает черты жития. Мы видим путь

человека, который, по-сути, отождествляется с Христом и его земной стезей. В пользу того, что это роман с элементами жития-мartyрии, может свидетельствовать тот факт, что впервые мы встречаемся с героем в непростой для него момент. Возможно, сиротство маленького Юры – это и есть начало мученичества. В отличие от романа Достоевского и финал здесь соответствует житийным традициям – герой погибает, пройдя нелегкий путь. Подвиг его жизни заключен в том, что Живаго утверждал идею жизни своей профессией врача и своим призванием – творчеством.

По сравнению с житием-биос житие-мartyрий более древняя форма, возникшая как отклик на многочисленные гонения христиан. В данном контексте вполне возможна параллель между мучениками-христианами и героями романов, как не принятыми миром носителями истинных идей.

К тому же мы склонны утверждать, что герои Достоевского и Пастернака вписываются в один из пяти классификационных образов житийных героев, выделенных исследователем Э. Георгиевым. Данная классификация строится исходя из того, кто является главным героем жития. Итак, наряду с выделенными героем-великомучеником «эпично-героического рассказа»; святым-богатырем, близким к фантастической сказке или средневековому рыцарскому роману; героем – по типу мудрого строителя христианской церкви, устроителя монашеского общежития и т. п., героем-пророком, предвещающим человечеству катастрофы, конец света или устрашающие картины Страшного суда, Мышкина и Живаго мы бы отнесли к героям, воплощающим христианскую мораль, дидактический характер в житийном жанре [4].

В представлении Живаго-творца, творчество и быденное существование мира неразрывно связаны потому, что «<...> искусство всегда служит красо-

те, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть все живущее, чтобы существовать, и, таким образом, искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования <...>» [5: 341]. По Пастернаку творчество - фундаментальная основа человеческой души, вся ее полнота выражена в творчестве и через нее. Именно поэтому по Пастернаку гениальность и святость являются тождественными понятиями. Эта мысль не характерна для романа Достоевского. Однако в данном контексте очевидна общая для обоих романов идея - явление подлинной святости в мир и спасение мира через святость. У Пастернака эта мысль выражена почти буквально. Гениальный герой – врач, призванный лечить тела и исцелять души.

Как правило, неотъемлемой частью житийной фабулы является мотив странствия, скитания главного героя, который, проходя через города и селения, сеет добрые мысли, однако воспринимается окружающими прохожим-скитальцем, в ЕГО образе никто не узнает святого, мотив, метафорически выражающий неприязнь странника окружающими, его отчужденность. Присутствует этот мотив и в исследуемых романах, смыкаясь с мотивом дороги (пути).

Исследуя специфику этого понятия, Н.А. Сегал в статье «Образ дороги в виртуальном политическом дискурсе» отмечает следующее: «Концепты пути, дороги, <...> – представляют собой универсалии мировой культуры. В славянской и русской концептуальной и вербальной картинах мира «путь», «дорога» и обозначающий их пласт лексики занимает весьма важное место. Более того, дорога относится к числу тех базовых, «несущих» элементов культуры, которые имеют всеобщий характер, являясь, таким образом, важнейшими элементами «картины мира» [6].

По мнению исследователей, «в русской культуре дорога не обозначает

беды и горя, проклятого места, а наоборот, символизирует состояние и место с большой позитивной ценностной нагрузкой» [6]. Черепанова О.А. обращает внимание на то, что с середины двадцатого столетия *дорога* и связанная с ней символика оказываются для нашего сознания особенно привлекательными. Исследователь отмечает, что «с дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога — это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [7: 30].

Если говорить в целом, то образ пути (дороги) и его содержание формировались в течение многих веков. Он получил множество метафорических реализаций и в большинстве культурных традиций символизирует судьбу. Судьба – это путь, с которого нельзя свернуть. К тому же дорога является иносказательным образом внутреннего мира человека, его духовного странствия на пути к совершенству.

Образ пути может вбирать в себя конкретные реалии автобиографии художника-творца. Этот мотив содержит обобщенное представление о жизни, в которой дорога таит вечную угрозу быть ввергнутым в хаос, сбиться с прямого пути. Не случайно Н.А. Арутюнова разграничивает значение дороги и пути: «Путь – это своего рода якорь спасения, брошенный человеку в бушующем океане стихии и хаоса. В семантике дороги акцент поставлен на пространственно-предметном денотате» [8: 3].

Образ дороги, неоднократно возникающий на страницах романов (Мышкин приезжает в Россию на поезде, Живаго едет на поезде в Мелюзеево и др.), в контексте произведений обретает имманентное символическое значение. На наш взгляд, здесь в метафорической форме выражена идея некой предопределенности в судьбах героев, подобно пути Христа, посланного в мир искупить людские грехи. И если с дороги обычной мож-

но сойти в сторону, то с железной (рельсы) сойти нельзя, это грозит катастрофой. Мышкин, проповедующий идеи добра и человеколюбия, воспринимается окружающими как идиот, а в одной из бесед у Епанчиных, в адрес князя Аделаида иронично замечает: «<...> вы философ и нас приехали поучать» [9: 28], на что Мышкин ответил: «Вы, может, и правы, <...> я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать...» [9: 61]. Разумеется, эти слова, являющиеся, вероятно, самыми главными для характеристики «миссии» героя, остаются не услышанными. Достоевский дает своему герою осознание его нелегкой миссии. «Теперь я к людям иду, я, может быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь. Я положил исполнять свое дело честно и твердо. С людьми мне будет, может быть, скучно и тяжело» [9: 77] - говорит князь Мышкин. И далее, после некоторых событий (покушения Рогожина, встречи с нигилистами) князь Мышкин, предвидя мученический финал для себя, испытывает желание покинуть этот мир, но мужественно идет на встречу испытаниям: «Он предчувствовал, что если только останется здесь хоть еще на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю. Но он не рассуждал и десяти минут и тотчас же решил, что бежать «невозможно»...»

[9: 310]. Здесь угадывается евангельская аллюзия: «Душа Моя теперь встревожена, и что мне сказать? Отец, избавь меня от этого часа. Впрочем, потому я и пришел для этого часа» [9: 27].

В романе Пастернака мотив дороги используется, с одной стороны, для обрисовки реального хронотопа города, селения, а с другой – с целью изображения внутреннего мира героя, через который преломляется внешняя действительность. А потому на фоне стабильно сохраняющейся эпической направленности, на фоне широчайшей панорамы жизни людей и жизненных явлений вырисовывается и внутренний мир героя, его отношение к жизни. Как и в произведении Достоевского, у Пастернака также присутствует мотив предопределенности. В тетради со стихами Юрия Живаго находим такие строки:

«Но продуман распорядок действий,

И не отвертим конец пути...»
[5: 388].

Очевидно, что географическое, материальное понятие дороги, расширяясь, метафорически смыкается с понятием вечности.

Таким образом, наблюдения показывают, что мастерски вплетенные в художественную ткань произведений элементы жития, расширяют смысловые оттенки, открывая тем самым новые возможности их интерпретации.

Примечания:

1. Мандельштам О.Э. Слово и культура: статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 72.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. М., 1957. С. 253-255.
3. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59-101. См.: Категория преобразования личности в романах Ф.М. Достоевского. URL: <http://www.pravoslavie.ru>.
4. Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966. С. 44-45; См.: Женские образы в древнерусских житийных повестях XVII века (Повесть о Марфе и Марии, Повесть об Ульянии Лазаревской). URL: <http://www.5ballov.ru>.

-
5. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. М.: Кн. палата, 1989. С. 341.
 6. Сегал Н.А. Образ дороги в виртуальном политическом дискурсе // Культура народов Причерноморья. № 94. С. 95-100.
 7. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. СПб., 1999. Вып. 7. С. 29-34.
 8. Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Движение в лексике. М., 1996. С. 3.
 9. Достоевский Ф.М. Идиот. Собрание соч.: в 15 т. Т. 6. Л.: Наука, 1989-1996. С. 28.